Борис Миронов

Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации

Опубликовано в журнале Отечественные записки, номер 3, 2012

Бог да город, черт да деревня. Город — царство, а деревня — рай.

РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Поселения, именуемые «городами», существуют в России более тысячи лет, но те из них, которые можно считать городами в современном смысле — то есть центрами культуры, промышленности, торговли, услуг, финансов и информации, появились сравнительно недавно — около трехсот лет назад. Вместе с забытой ныне деревенской прозой 1960—1980-х годов из массового сознания россиян ушла антитеза: город — как противное природе, искусственное образование, где живут люди, разъединенные деньгами и эгоизмом, и деревня — как вместилище правды и справедливости, покоя и гармонии, пристанище наивных добрых людей, объединенных общими и высокими ценностями. Сегодня город для россиян — это высшее проявление цивилизации, место утонченности, активности, свободы, изменений и богатства, инструмент решения всех социальных проблем, а с деревней, в свою очередь, ассоциируются примитивность и отсталость, пьянство и бедность, скука и идиотизм жизни. Попробуем разобраться, насколько эти образы и представления соответствуют историческим реалиям.

Что такое город и что такое российский город

Среди исследователей нет единой точки зрения относительно определения понятия «город» и его отличия от сельского поселения. Большинство ученых склоняются к мнению, что в каждую эпоху и в каждой стране понятия города и деревни наполнены собственным экономическим, социальным и политическим содержанием, и невозможно дать общее определение, применимое ко всем временам, не только в мировом масштабе, но даже в пределах одной страны. На мой взгляд, городами являются те поселения, которые считали таковыми современники и сами их жители. Такой подход позволяет подойти к проблеме исторично и объективно оценить, что собой представляли города в каждый момент своей истории, как, почему и в каком направлении они эволюционировали.

На протяжении российской истории городами называли различные типы поселений. Само это слово произошло от «ограды», «забора», и во времена Киевской Руси, в X — первой трети XIII века, город представлял собой крепость, где укрывались и оборонялись от неприятеля. Это был военно-административный и религиозный центр соседних земель, в котором находились княжеский двор, церковь и вечевая площадь. Тогда же от глаголов «посадить», «садить» произошло и слово «посад», обозначавшее часть города вне крепости, в которой, собственно, и проживало население, занятое торговлей, ремеслом и другими промыслами.

В московский период — XIV—XVII века — город по-прежнему играл роль военно-административного и религиозного центра. Новое же состояло в том, что посады стали сливаться с крепостью в единое целое, которое и именовалось отныне городом, а сама крепость, прежде носившая это название, — кремлем. Расширилось и понятие «посад», которое стало обозначать не только предместье города, но и населенный пункт или торгово-ремесленный центр без крепости, а также и население, жившее на посаде. Как в киевский, так и в московский периоды четкого отделения города от деревни в территориальном, административном, финансовом и других отношениях не существовало. Не отличались они и профессиональной структурой населения, поскольку горожане имели право заниматься сельским хозяйством, а крестьяне — торговлей и ремеслом.

С начала XVIII века и вплоть до настоящего времени городом называется населенный пункт, официально признанный в качестве такового государством. Жалованная грамота городам 1785 года четко сформулировала юридические права «городских обывателей» и определила формальные критерии города — получение от императора собственной жалованной грамоты, в соответствии с которой создавалось самоуправляющееся городское общество с правами юридического лица, а также утвержденные монархом герб и план города. Официальные города имели разные ранги — столичный, губернский, уездный и безуездный, или заштатный. До 1860-х годов к городским или административно-промышленным поселениям (но не к городам!) относились и другие виды неземледельческих поселений:

- местечко — торгово-промышленный центр без крепости, заселенный преимущественно евреями, на территории, присоединенной в результате разделов Польши;
- посад;
- отдельно стоящее промышленное заведение;
- духовное, или религиозное, поселение;
- военное поселение.

Городских поселений было в несколько раз больше, чем городов: в 1857 году, к примеру, в 4,3 раза — 2876[1]. Значительную их часть составляли местечки и города, утратившие свое былое значение, не получившие жалованной грамоты, не имевшие герба и плана, но формально еще не разжалованные в деревни. Некоторые из них со временем все же постигла эта участь, но большинство продолжали де-факто пользоваться некоторыми привилегиями городского поселения. Все это создает большие трудности при подсчете общего числа городов и городских поселений до середины XIX века После реформ 1860-х годов помимо самих городов городскими поселениями продолжали считаться только посады и местечки, причем для получения соответствующего статуса их должны были населять мещане, образующие мещанское общество.

В научной литературе с конца XVIII века, а в массовом сознании со второй половины XIX века под «городом» стали понимать крупное поселение преимущественно торгово-промышленной ориентации. Между тем формальные критерии для получения статуса города оставались прежними: официальное постановление, а также наличие специфических городских учреждений — думы и др. Юридические права жителей по-прежнему в значительной мере зависели от того, считалось ли данное поселение городом официально. Официальные города имели преимущества в учреждении ярмарок, базаров и особенно пунктов стационарной торговли, запрещенной в деревнях.

Видъ Твери 300 лѣтъ тому назадъ. (Гравюра XVII вѣка).

До начала XIX века число официальных городов изменялось после каждой административной реформы. В 1678 году их насчитывалось 200, в 1708 году — 339, в 1719 году — 280, в 1727 году — 342, в 1738 году — 269, в 1760-е годы — 337. В ходе реформы местного управления 1775—1796 годов 271 сельское поселение было преобразовано в город, и общее их число достигло 673. Павел I упразднил 171 город, Александр I частично их восстановил, и к 1811 году число городов в Европейской России и Сибири составило 567. Помимо частых административных реформ к изменению численности городов приводила подвижность границ, а также смена военных потребностей государства. При этом большинство прежних крупных экономических центров, даже в случае длительной стагнации (как в Новгороде, Пскове, Сольвычегодске, Ростове Великом), оставались губернскими или уездными городами. Их древность помогала сохранить если не экономическое, то административное и культурное значение.

К середине XIX века число городов наконец более или менее стабилизировалось. Продолжало изменяться только количество безуездных городов — в силу того, что, с одной стороны, правительство иногда жаловало соответствующий статус развитым торгово-промышленным селам, а с другой — неудачливые заштатные города естественным образом превращались в сельские поселения.

В 1857 году в России насчитывалось 519 уездных и губернских городов, 122 безуездных и 50 посадов, в 1914 году — 541 губернский и уездный, 137 безуездных и 51 посад. С учетом размеров страны городская сеть была чрезвычайно редкой по сравнению с другими европейскими государствами. В 1857 году среднее расстояние между ближайшими городами и посадами в Европейской России составляло около 87 км, в Сибири — 516 км, а в 1914 году — 83 и 495 км соответственно. Ближе всего друг к другу располагались города Прибалтики — около 50 км, дальше всего — Якутской губернии — 887 км, а в Европейской России — города Архангельской губернии — 300 км. К 1987 году среднее расстояние между городами европейской части СССР стало менее 30 км[2].

Между тем европейский континент, за исключением его восточной части, уже в XV веке был покрыт густой сетью небольших городских поселений, находившихся друг от друга на расстоянии в среднем 20—30 км. В конце XVIII века среднее расстояние между городами в Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, Испании и Франции составляло от 12 до 30 км, в середине XIX века — от 10 до 28 км, в начале XX века — от 8 до 15 км[3]. Любое же сельское поселение находилось от ближайшего города примерно в 10—15 км. То есть за один день европейский крестьянин мог добраться до города и вернуться домой даже пешком, а горожанин — достичь соседнего города. В России же, по крайней мере до создания в конце XIX века достаточно густой сети железных дорог, поездка на лошади из большинства сельских поселений в ближайший город, а тем более из города в город, учитывая плохое состояние дорог, требовала нескольких дней, что, естественно, чрезвычайно затрудняло сношения между поселениями.

Большой интерес представляет распределение городских поселений по числу жителей, так как от этого во многом зависело административное, экономическое и культурное значение города, характер общественного и частного быта его жителей (табл. 1).

Таблица 1

Распределение городов России по числу жителей с конца XVII по XX век (без Кавказа, Польши, Финляндии и Средней Азии)

Население, тыс.	1678	1722	1782	1856	1897	19
Менее 1	71	60	70	41	18	15
1—1,9	52	29	112	92	49	45
2—4,9	63	54	209	231	154	15
5—9,9	9	36	111	188	185	17
10—19,9	4	8	33	77	129	14
20—49,9	—	3	4	32	75	15
50—99,9	—	1	1	7	31	43
100—499,9	1	—	2	3	12	19
500—999,9	—	—	—	—	—	2
1000+	—	—	—	—	2	2
Итого	200	191	542	672	655	70

* До 3 тыс.

** 3—4,9 тыс.

*** Без поселков городского типа. В 1987 г. — СССР, в 2009 г. — Российская Федерация. Источник: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2000. Т. 1. С. 287; Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 376.

Наиболее распространенной классификацией по числу жителей является следующая: (1) малые города — до 20 тыс., (2) средние — от 20 до 100 тыс., (3) большие города — свыше 100 тыс. жителей. Во всех классификациях в качестве порога, как правило, фигурируют 20—25 тыс. жителей. Это не случайно, поскольку именно в городах с такой численностью населения образ жизни начинает меняться по сравнению с деревней. На рубеже XVII—XVIII веков в России существовал только один большой город — Москва, все остальные относились к категории малых — с населением менее 15 тыс. человек. К 1722 году три города стали средними, к 1782 году их было уже пять, а Петербург стал вторым большим городом России; к 1856 году средними стали 39 городов, а Одесса — третьим большим. К 1910 году в стране было 58 средних и 23 больших города, а население Петербурга и Москвы превысило 1 млн. Тем не менее вплоть до 1917 года в стране преобладали малые города, которых накануне революции было около 75 %. Однако доля населения там постоянно сокращалось: с 1722 года по 1910 год она снизилась с 98 до 23 %, в то время как в больших городах она возросла с 0 до 40 %, а в средних — с 2 до 37 %. Эта тенденция сохранилась и в советское время: в 1987 году в больших городах проживало 69 %, в средних — 28 %, в малых — 3 % населения. Среднее число жителей на один российский город (людность) непрерывно возрастало: с 1646 по 1910 год в 9,4 раза, с 1910 по 1987 год — еще в 3 раза, в постсоветское время — в 1,2 раза[4]:

	1646	1722	1782	1825	1870	1897
Средняя людность города, тыс.	2,7	4,6	4,7	5,6	11,1	21,2

Рост средних и больших городов имел важные социальные последствия. Чем крупнее город и выше в нем плотность населения, тем больше имеется возможностей для трансформации социальных отношений, тем явственнее проявляются там черты городского образа жизни. Деятельность людей становится профессионально разнообразной, увеличивается и степень социальной дифференциации. При этом традиции перестают играть роль базиса социальной солидарности, и социальный контроль над поведением личности ослабляется, вследствие чего она становится автономной и ее поведение индивидуализируется. Падает также социальное значение семьи, семейные, родственные и соседские связи ослабляются, межличностные отношения за пределами семьи становятся более сложными и вместе с тем приобретают поверхностный и анонимный характер.

Какова она — российская деревня

Сельские поселения делись на две большие группы:

- сплошные и крупные с числом жителей более 10 человек;
- одиночные и мелкие с числом жителей менее 10 человек.

В императорский период повсеместно, исключая Курляндскую, Лифляндскую и Харьковскую губернии, преобладали сплошные и крупные поселения. При этом число сельских поселений, в отличие от Западной Европы и начиная с XIX века от США и Канады, постоянно возрастало. В 1857 году в Европейской России насчитывалось 245 тыс. сплошных и 87 тыс. одиночных поселений, в 1897 году — 405 тыс. и 187 тыс. соответственно. Рост числа сельских поселений в пореформенное время, происходивший главным образом за счет разукрупнения крупных селений, доказывает, что крепостное право сдерживало естественный процесс расселения крестьян, так как помещикам и коронной администрации было легче управлять крестьянами, компактно проживавшими в крупных поселениях. В результате столыпинской реформы 1907—1915 годов возникло около 200 тыс. хуторов, в которых поселились крестьяне, вышедшие из сельских общин, благодаря чему к 1917 году число сельских поселений достигло 800 тыс. При этом в Сибири число поселений росло очень медленно: в 1856 году там насчитывалось 11 тыс., а в 1914 году — 12,6 тыс. К 1959 году число сельских поселений практически не изменилось, а за 1959—1989 годы и вовсе уменьшилось в 1,8 раза[5].

До 1860-х годов людность сельских поселений возрастала, а затем стала уменьшаться: в период между 1859 и 1897 годами в Европейской России — со 162 до 137 человек, а к 1989 году — менее чем до 100 человек[6]. Уменьшение людности сел и деревень в советское время объяснялось миграцией крестьян в города, а с 1960-х годов еще и принудительным их укрупнением.

В отличие от городских густота сельских поселений была достаточно высокой: в Европейской России среднее расстояние между ближайшими селениями в 1857 году составляло 3,8 км, в 1917 году — 2,5 км (примерно столько же, сколько в США и Канаде, но больше, чем в Западной Европе); в Сибири — соответственно 33 и 31 км. С 1897 по 1959 год густота сельских поселений не изменилась (на 100 кв. км приходилось 6 поселений), но к 1989 году, вследствие проводившегося укрупнения сел и деревень, она уменьшилась до 3,3[7].

В XVII—XVIII веках большая часть крестьян проживала в мелких и средних селениях с населением менее 300 жителей, в XIX — первой половине XX века — в селениях, имевших более 500 жителей, а к 1980 году в крупных поселениях с числом жителей более 1000 человек проживала почти половина крестьянства[8].

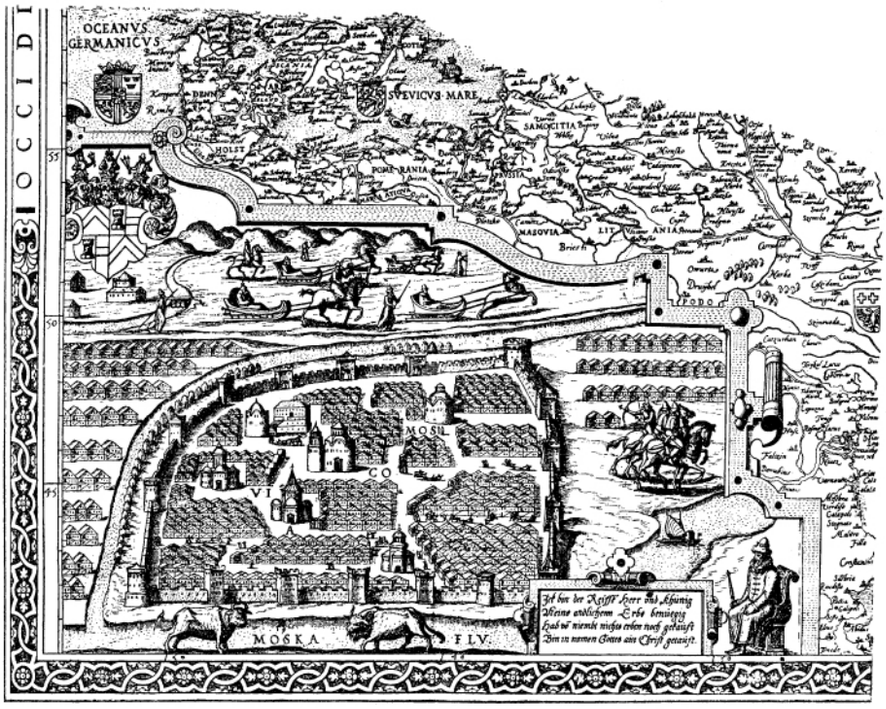
Концентрация населения именно в крупных поселениях имела серьезные социально-экономические последствия. Там активнее развивались рыночные отношения, кустарная и фабричная промышленность, торговля и неземледельческие промыслы, включая отходничество; в них жило много мещан и купцов, занимавшихся предпринимательством; эти селения находились в тесной связи с городами и испытывали их влияние. Все это создавало предпосылки для трансформации крупных сел в городские поселения, если не формально, то фактически.

К тому же в России существовало значительное число деревень с населением свыше 2 тыс., которые во многих европейских странах были бы отнесены к городским поселениям. Это лишний раз доказывает, что четкой грани между городом и деревней не существовало, и деревни при счастливом стечении обстоятельств превращались в города, которые, в свою очередь, при неудачном ходе дел, наоборот, становились деревнями.

Город и деревня: от слитности к диверсификации

Административное разделение города и округи постепенно подготавливалось социальным, профессиональным и юридическим размежеванием городского и сельского населения, которое началось еще со второй половины XV века, когда податное население городов получило специальное наименование посадских людей. В ходе посадской реформы 1649 года:

- посадские люди, наподобие крестьян, прикреплены к своим городам и к своей посадской общине;
- границы городов раздвинуты на две версты (2,2 км) по периметру, чтобы жители имели больше земли для занятия сельским хозяйством, и четко определены, дабы сельские поселения не смешивались с городами, а крестьяне — с посадскими людьми;
- приписка к месту жительства — посадской или сельской общине, а также род и величина повинностей стали критериями принадлежности к посадским или крестьянам;
- торгово-промышленная деятельность в черте города закреплялась за посадскими, хотя государственным и дворцовым крестьянам ею заниматься не воспрещалось;
- выход из городов запрещался, за исключением случаев, санкционированных коронной администрацией, а все, кто без разрешения покинул город, принудительно возвращались в посадские общины.



Часть плана Москвы временъ Іоанна Грознаго. (Нѣмецкая гравюра XVII вѣка).

Следующий важный шаг в размежевании посадских и крестьян, города и деревни был сделан в ходе магистратской реформы 1721—1724 годов. Она подтвердила привилегии горожан на занятие торгово-промышленной деятельностью и впервые законодательно определила признаки принадлежности к городскому сословию (профессиональные занятия, жительство в городе, принадлежность к городской общине и право самоуправления).

В 1775 году правительство учреждает должность городничего как единственного своего представителя в городе и уездного воеводы — в сельской округе. Таким образом город выделился в самостоятельную административную единицу со специфическими государственными органами управления.

Жалованная грамота городам 1785 года завершила процесс размежевания города и деревни, горожан и крестьян, городских и сельских общин в юридическом отношении. Она впервые определила городское общество как совокупность всех жителей данного города, обладающих правами самоуправления. В городах была введена городская обывательская книга для обязательной регистрации всех горожан. «Городовой обыватель» получил право на жительство в городе и на пользование преимуществами городской жизни: лечебными, учебными, благотворительными и другими учреждениями, стационарной городской торговлей, общегородскими земельными угодьями, городским комфортом, обеспечением которого стала заниматься коронная администрация.

Однако формально-юридическое размежевание отнюдь не привело к тому, что крестьяне стали жить исключительно в деревнях, а горожане — в городах. Вплоть до начала XX века в городах проживало свыше 50 % лиц, не принадлежавших к городскому сословию, а в деревне — до 10 % лиц, не относившихся к крестьянству, в частности, 30 % всех мещан и купцов. Экономическое отделение города от деревни также сильно запаздывало за административным.

Зачем нужны города: функции городов

В таблице 2 приведены результаты классификации городов по преобладающему виду деятельности их жителей, или по функциям.

Таблица 2
*Экономическая структура городов Европейской России без Польши и Финляндии в XVIII—XIX веках, % **

Тип городов	1760-е гг.	1790-е гг.	1850-е гг.	1897 г.
Административно-военные	4,6	3,9	5,0	0,3
Аграрные	58,9	54,4	22,0	8,5
Смешанного типа	30,6	36,6	20,0	88,7
Торговые	2,3	3,9	10,0	—
Промышленные	3,6	1,2	43,0	2,0
Постиндустриальные (сервисные)	—	—	—	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

** Источники: Миронов Б. Н. Русский город в 1740—1860-е годы. Л., 1990. С. 201; Он же. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 297; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899—1905. Т. 1—50, 85, 86; Город и деревня в Европейской России. С. 121.*

Под функциональной понимается только та деятельность городских жителей, которая связана с производством продукции или услуг на вывоз, то есть обеспечивает взаимодействие города с внешним миром. В качестве количественного критерия оценки значения той или иной функции обычно принимается число жителей, реально эту функцию выполняющих. В городе смешанного типа население более или менее равномерно распределяется между различными сферами материального производства и непроизводственных отраслей.

Согласно полученным данным, преобладающим типом городского поселения к 1760-м годам оставался аграрный город, который отличался от деревни тем, что выполнял по крайней мере одну типично городскую функцию — административную, поскольку все города являлись уездными или губернскими административными центрами. Большинство же городов выполняло по две и более типично городских функций: до 77 % аграрных городов — торговую, будучи центрами ярмарочной, базарной или стационарной торговли, а около 29 % городов помимо административной и торговой — еще и промышленную; треть аграрных городов являлись культурными центрами, так как в них находилось какое-либо учебное заведение. Даже сельскохозяйственная деятельность горожан отличалась от деревенской, так как они занимались преимущественно огородничеством, садоводством, выращиванием технических культур и были тесно связаны с рынком. 37 % городов являлись по преимуществу торговыми, промышленными или городами смешанного типа. Причем в экономике городов смешанного типа земледелие играло также важную роль; и лишь в торговых и промышленных городах оно обслуживало только собственные потребности жителей. Еще около 5 % городов выполняли преимущественно административно-военную функцию.

К началу XIX века функциональная структура городов не претерпела радикальной трансформации, и, следовательно, полного отделения города от деревни с экономической точки зрения еще не произошло. Стагнация функциональной структуры городов во второй половине XVIII века была обусловлена реформой местного управления 1775 года, которая существенно увеличила сеть городов. В течение 1775—1796 годов правительство в приказном порядке преобразовало в города 271 сельское поселение, руководствуясь главным образом административными соображениями, а также преследуя цель количественно усилить городское сословие. Причем большинство преобразованных сел не являлись торгово-промышленными центрами, а их население не проявляло особого желания переходить в городское сословие. Об этом свидетельствуют ответы местной администрации в 1797 году на запрос правительства о состоянии городов, образованных по реформе 1775 года: 63 % новых городов оказались «недействительными», поскольку их жители занимались исключительно сельскохозяйственной деятельностью.

Функциональная структура городов радикально изменилась только к середине XIX века, когда ведущее положение заняли промышленные города (43 %), до 10 % увеличилась доля торговых городов; а города смешанного типа и особенно аграрные, наоборот, резко сдали свои позиции, составив только 20 и 22 % всех городов. Одновременно с этим земледелие везде потеряло свое прежнее значение: в 19 % городов Европейской России оно вообще перестало фигурировать в качестве функционального вида деятельности, в 44 % играло второстепенную роль, в 15 % — важную и лишь в 22 % городов — главную. Городов же, где сельское хозяйство являлось единственным источником средств существования, не осталось. Интересно отметить, что деградация аграрной функции города в целом сопровождалась известным прогрессом городского земледелия в тех местах, где оно сохранилось: экстенсивное хлебопашество было заменено там интенсивным огородничеством и садоводством.

По большинству социально-экономических показателей промышленные города в середине XIX века превосходили все остальные. За ними следовали торговые, третье место удерживали города смешанного типа, а наименее развитыми были аграрные и административно-военные. Например, среднее число жителей в промышленных городах составляло 14,4 тыс. человек, в торговых — 10,5 тыс., в городах смешанного типа — 5,9 тыс., в аграрных — 3,8 тыс., в административно-военных — 3 тыс. Валовой продукт городской экономики достиг в промышленных городах 954 тыс. рублей, в торговых — 213 тыс., в городах смешанного типа — 108 тыс., в аграрных — 51 тыс., в административно-военных — 40 тыс.;

оборот торговли — соответственно 3074 тыс. рублей, 861 тыс., 250 тыс., 107 тыс. и 156 тыс.; доходная часть городского бюджета — 39,5 тыс. рублей; 7,1 тыс.; 5,5 тыс.; 2,4 тыс. и 2,9 тыс.

По уровню экономического развития, оцененному исходя из 22 пунктов (важнейшими среди них являлись величина промышленного производства и годовой оборот торговли), 74 % всех городов в 1850-х годах относились к слаборазвитым, 8 % — к среднеразвитым и 18 % — к высокоразвитым. Очевидно, что специализация города оказывала влияние на общий уровень его развития: 95 % аграрных и 92 % административно-военных городов являлись слаборазвитыми, в то время как среди торговых таковых насчитывалось уже 63 %, а среди промышленных — всего лишь 19 %. Ни одного высокоразвитого не было в числе аграрных городов, среди административно-военных их доля составляла всего 8 %, а из торговых и промышленных высокоразвитыми являлись 30 %.

Подобное ранжирование представляется вполне закономерным, ибо в нем отражается динамика исторического развития русских городов. Административная и военная функции поселений служили толчком к образованию и развитию города, а аграрная функция на первых порах давала ему материальные и людские ресурсы, чтобы стать важным экономическим центром. Однако поступательное развитие города было возможно только благодаря усилению значимости промышленной и торговой функций. В противном случае он либо переживал застой, либо вообще утрачивал городской статус, как это случилось с 29 % из 316 административно-военных поселений в Европейской России, имевших статус города в 1745 году и потерявших его к 1860 году.

С началом промышленной революции в пореформенное время резко уменьшилось число аграрных и административно-военных городов, узкая специализация сменялась многофункциональностью, почти во всех городах возникли культурный сектор и сфера обслуживания. В 1850-е годы доля чисто административно-военных, аграрных и т. д. городов достигала 80 %, а к концу века составляла всего 10,8 % (66 из 612). Одновременно число городов смешанного типа возросло с 20 до 89 %. В 546 из них существовала ведущая отрасль занятости, определявшая экономическую физиономию города. Промышленность и строительство являлись ведущими отраслями в 37,6 % городов смешанного типа, сельское хозяйство — в 30,0 %, сервис — в 17,4 %, административно-военная сфера — в 9,7 %, торговля, транспорт и финансы — в 0,7 %, прочие отрасли — в 4,6 %. Характерно, что земледелие все еще оставалось важной отраслью городской экономики.

Еще один вариант классификации городов — доиндустриальные, индустриальные и постиндустриальные. Доиндустриальный город выполняет главным образом административную, военную и аграрную функции, индустриальный город — промышленную, торговую и транспортную, а в постиндустриальном ведущее место принадлежит сервисной функции, в которую включается и культурная деятельность. В соответствии с этими критериями в 1897 году из 612 российских городов 219, или 35,8 %, относились к доиндустриальному типу, 390, или 63,7 % всех городов, относились к индустриальным, так как ведущими отраслями городской экономики являлись промышленность, торговля, транспорт и финансы. И только в трех, или 0,5 % от всех городов (Петербурге, Одессе и Киеве), ведущим стал так называемый третичный, сервисный, вид деятельности[9].

Таким образом, в конце XIX века одновременно сосуществовали умирающие доиндустриальные, бурно развивающиеся индустриальные и зарождающиеся постиндустриальные города. Сильные позиции доиндустриальных городов говорят о том, что сельское хозяйство, в частности огородничество, в конце XIX века по-прежнему оставалось важной отраслью городской экономики. Даже в Петербурге в 1830-е годы под огороды было отдано 14 % всей территории города, и к 1860-м годам их площадь только выросла до 19 % — благодаря расширению столицы за счет пригородных сел и деревень. В 1897 году огородничеством занимались 17,7 тыс., или 2 %, жителей Петербурга и 15,4 тыс., то есть тоже 2 %, москвичей. Петербуржцы содержали около 8 тыс. коров, а москвичи — еще больше. Живучесть традиционного уклада следует признать вполне естественной, поскольку промышленная революция пришла в Россию относительно поздно — только после реформ и эмансипации, и даже те изменения, которые она успела принести менее чем за три десятилетия, следует признать существенным прогрессом.

Уровень урбанизации России

Как ни парадоксально, принципиально важный процесс урбанизации в течение второй половины XVIII — первой половины XIX века шел на фоне уменьшения доли городского населения: с 1742 по 1856 год она снизилась с 13 до 9 %, хотя абсолютная численность горожан и увеличилась (табл. 3).

Таблица 3
*Численность городского и сельского населения в России и СССР в XVIII—XX веках**

Год	Городское	Сельское	Итого	% горожан
1742	2,3	15,4	17,4	13,0
1783	3,2	24,5	27,6	11,6
1825	4,2	42,0	46,2	9,1
1856	5,2	52,4	57,6	9,0
1869	6,2	59,5	65,7	9,5
1897	12,1	81,4	93,4	12,9
1914	19,5	108,2	127,7	15,3
1939	60,4	130,3	190,7	31,7
1940	63,1	131,0	194,1	32,5
1960	103,6	108,8	212,4	48,8
1961	107,9	108,4	216,3	49,9
1962	111,2	108,8	220,0	50,5
1990	190,6	98,0	288,6	66,0

1990**	109,2	38,8	148,0	73,8
2009**	103,7	38,2	141,9	73,1

** В XVIII — начале XX века Европейская Россия без Польши и Финляндии, в 1939-1990 гг. — СССР.*

*** Российская Федерация.*

Источники: Кабузан В. М. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1963. С. 164—165; Миронов Б. Н. Русский город… С. 241—249; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. С. 204—207; Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 10. СПб., 1875. Отд. 1. С. 18, 87—104; Общий свод данных переписи 1897 г. Т. 1. С. 1, 12—13; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 5. Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С. 5—24; Города России в 1910 году. СПб., 1914; Ежегодник России 1910 г. СПб., 1911. С. 49; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1916. С. 46—47. Эберхард П. География населения России. СПб., 2003. С. 15—35; Население России 2008. С. 26—33.

«Деурбанизация» была повсеместной, различались только темпы. В чем же причины этого явления? Одна из них состояла в том, что городская смертность превосходила сельскую. Скученность населения вела к распространению инфекционных заболеваний, санитарно-гигиенические условия были хуже, чем в деревне, условия труда тяжелее, а многие городские профессии вредны для здоровья, в городах концентрировалось большое число военных, особенно отставных, нищих, люмпен-пролетариев, среди которых наблюдалась повышенная смертность, более распространены были пауперизм, преступность, алкоголизм и проституция.

Второй причиной снижения доли городского населения была слабая миграция крестьянства, которая до эмансипации ограничивалась рядом факторов. В XVIII — первой четверти XIX века в связи с российской революцией цен в стране сохранялась благоприятная аграрная конъюнктура, благодаря которой ведение сельского хозяйства было выгоднее торгово-промышленных занятий. Цены на сельскохозяйственную продукцию росли быстрее, чем на промышленную, доходы горожан не успевали за ростом цен, вследствие чего приток крестьян в город замедлялся, а в ряде регионов наблюдался даже отток в сельскую местность. Сдерживала переселение в города также и интенсивная колонизация Новороссии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, принявшая громадные размеры с выходом России к Черному морю и укреплением границ на Каспийском побережье в конце XVIII века. За 1782— 1858 годы в эти регионы мигрировало около 3,6 млн человек[10]. Поток колонистов забирал из центральных районов потенциальных мигрантов в города и замедлял урбанизацию. Пример России в этом отношении не был уникальным: например, в североамериканских колониях Англии (будущих США) под влиянием сельскохозяйственного освоения территории доля городского населения снизилась с 9—10 % в 1709 году до 4—5 % в 1790 году[11].

До отмены крепостного права во владении крестьян находился значительный фонд земли. Это препятствовало процессу раскрестьянивания, который обычно предшествует или сопутствует переселению крестьян в города. Там, где возникал недостаток земли, он компенсировался неземледельческими занятиями, в особенности временным уходом с мест постоянного проживания на заработки в районы развитой промышленности и торговли. Но отходничество (в 1860-е годы им занимались 1,3 млн крестьян) не приводило к стабильному росту городского населения. Если хотя бы десятая часть отходников осела в городах, то доля горожан сразу бы поднялась на 2 %. Стоит, впрочем, отметить, что само по себе наличие у крестьян значительного земельного фонда не могло бы остановить раскрестьянивания и, соответственно, миграцию в города, если бы не сельская передельная община, гарантировавшая каждому новому работнику участок земли.

Кроме того, в Россию с большим опозданием по сравнению с западноевропейскими странами — только после эмансипации — пришла промышленная революция, а доиндустриальный город не мог предоставить работу значительному числу переселенцев из-за слабого развития промышленности и торговли, которые, к тому же, далеко не всегда концентрировались в городах.

Наконец, рост городов до середины XIX века сдерживался правительственной политикой. Во-первых, закон допускал торгово-промышленную деятельность крестьян не только в сельской местности, но и в городе, и до 1812 года она даже не облагалась промысловым налогом. Вследствие этого крестьянам, занимавшимся торговлей и промышленностью, было незачем переходить в городское сословие. С 1812 по 1824 год промысловый налог для крестьян был меньше, чем для купечества и мещанства, а с 1827 года стал равным ему. И только с этого времени миграция крестьян в города усилилась, а падение процента городского населения замедлилось.

Важнейшим фактором, сдерживавшим переезд крестьянства в города, являлось крепостное право, но даже после Великих реформ урбанизация проходила все равно вяло: с 1856 года и до начала Первой мировой войны доля городского населения увеличилась с 9 до 15,3 %. За время войны, к лету 1916 года, в результате массовых переселений в города крестьян, призванных в армию, она выросла еще на 2,1 %, составив 17,4 %[12]. И это при том, что в пореформенной России проходила индустриализация, в деревне росло малоземелье и крестьянство испытывало большие экономические трудности.

Чем же можно объяснить медленные темпы урбанизации в пореформенное время? По моему мнению, и в новых условиях действовали в основном те же факторы, что вызвали падение доли городского населения в XVIII — первой половине XIX века. Во-первых, после эмансипации земельный фонд, принадлежавший крестьянам, лишь немного уменьшился. Надельная земля постепенно выкупалась, и, естественно, крестьяне, вкладывавшие в нее большие средства, всеми силами стремились сохранить ее за собой, в чем, как и прежде, сильно помогала передельная сельская община. Даже те крестьяне, которые постоянно жили в городе, не теряли связь с деревней, оставляя там свои семьи. Неженатые и незамужние временные жители городов не торопились вступать там в брак. В 1897 году в городах только 60 % мужчин бракоспособного возраста состояли в браке, в деревне же — 76 %, среди женщин этот показатель составлял соответственно 53 и 69 % [13]. Таким образом, мигранты не закреплялись в городе на постоянной основе, а рассматривали свое пребывание там как временное. Если бы все разделенные семьи воссоединились в городе, доля городского наличного населения сразу поднялась бы на 4 %. Например, среди жителей Петербурга в 1900 году коренных был всего 31 %. Большинство пришлых были крестьянами — 861 тыс., или 72 % общей численности некоренного населения, среди них, в свою очередь, преобладали женатые мужчины, оставившие свои семьи в деревне. Пришлые женщины в массе своей были не замужем, но в город они перебирались только затем, чтобы собрать приданое и вернуться обратно в деревню. Подобная ситуация наблюдалась во всех крупных городских центрах.

Второй фактор, замедлявший рост городского населения, состоял в том, что российская индустриализация имела «рассеянный» характер, в равной степени охватывая город и сельскую местность, вследствие чего «рассеянной» была и урбанизация. По данным В. Семенова-Тян-Шанского, в 1910 году в Европейской России насчитывалось 600 сельских поселений, превосходивших по своему промышленно-торговому значению многие города. В них проживало более 4 млн человек. Если бы на это число увеличилось городское население, то оно превысило бы 20 млн, а его доля достигла 17 %[14]. В 1916 году в сельских поселениях городского типа проживало 3 % населения страны, вместе с ним доля горожан превышала 20 %.

Наконец, третий фактор, тормозивший урбанизацию, состоял в том, что, как уже говорилось выше, статус города приобретался поселением не автоматически, по достижении определенной людности или уровня промышленного и торгового развития, а по правительственному указу. Если бы в России, как в некоторых западноевропейских странах, например во Франции, при наличии 2 тыс. жителей сельские поселения автоматически переходили в категорию городских, то число городов уже в 1857 году достигло бы 4000, численность городского населения — 14,3 млн, а его доля — 24 %. А в 1897 году городов было бы уже 5600, численность горожан — 30,2 млн, а их доля — 32,3 %. И тогда Россия не выглядела бы почти сплошь деревенской.

Горожане и крестьяне: от общности к дифференциации

На протяжении XVIII — начала XX века произошла радикальная трансформация в занятиях горожан и, соответственно, в функциях городов. Земледелие вытеснялось за пределы городских стен вследствие сокращения земельных и водных ресурсов города на душу населения: за 1722—1910 годы численность населения, проживавшего в городах, границы которых практически не расширялись с середины XVII века, возросла в 5,4 раза. В условиях растущей земельной тесноты горожане по необходимости переключались на промышленность, торговлю и сферу услуг. Структурные изменения городской экономики повлекли за собой радикальные перемены в характере труда, в образе жизни городского населения, в значении городов для жизни страны. Изменился даже облик городов: они перестали быть одноэтажными, улицы и переулки — путаными, застройка стала более плотной.

Вот несколько цифр, дающих представление о внешнем виде и уровне комфорта русских городов в 1825 и 1910 годах. В первой четверти XIX века большая часть улиц и площадей оставалась немощеной, по вечерам они не освещались, общественная уборка улиц не производилась; водопровод, канализация, телефон и телеграф отсутствовали. Театры, музеи и общественные библиотеки являлись большой редкостью даже в губернских городах. В 1825 году в среднестатистическом российском городе было 5 тыс. жителей, проживавших в 583 домах по 8—9 человек в каждом; из них 91 % были деревянными и 9 % — каменными. На один город приходилось 5—6 церквей, одно-два учебных и два благотворительных заведения, три трактира, одна общественная баня, 14—15 питейных домов и 51 маленький магазинчик. В 1910 году число жителей в среднестатистическом городе увеличилось до 25 тыс.; они проживали в 2310 домах по 9—10 человек в каждом; из них 80 % являлись деревянными и 20 % — каменными. На один город приходилось 12 церквей, 13 учебных и 1 благотворительное заведение, 35—36 трактиров и 18—19 «пивных лавок и винниц». Вечернее освещение улиц имелось в 87 % городов, водопровод — в 20 % и канализация — в 5 %. Практически в каждом городе имелись больница и аптека. Каждый третий город располагал театром, каждый второй — клубом или народным домом, каждый десятый — музеем. 60 % городов имели типографии, 49 % — библиотеки или читальные залы. В 4,5 % городов ходили трамваи, в 2,6 % работал телеграф и в 26,7 % — телефон. Правда, всеми этими достижениями пользовалась незначительная часть состоятельных горожан, проживавшая в центре городов с чистыми и мощеными улицами, в благоустроенных домах с водопроводом и канализацией. Для основной же массы городского люда уровень комфорта оставался таким же, как и в начале XIX века.

Торжокъ въ XVII вѣкѣ. (Гравюра того времени).

Если в материальной сфере города в XVIII—XIX веках стали довольно заметно отличаться от деревень, то общей народной культурой были объединены и крестьяне, и городские низы, составлявшие около 90 % всех горожан. Что вполне естественно, учитывая факт постоянного проживания крестьян в черте города, часто в рамках крестьянской общины, и, наоборот, мещан и купцов — в деревне. Известный в пореформенной России социолог и экономист Н. Флеровский убедительно показал сходство материального положения, домашнего и семейного быта, мировоззрения и менталитета крестьян, мещан, ремесленников, кустарей и рабочих. «Во всех частях России, — резюмировал он свои наблюдения, — работник, несмотря на несомненные природные способности, в главных и общих проявлениях своей жизни всего более руководствуется стремлением к минутному удовлетворению своих потребностей без всякой мысли о будущем или предрассудками, которые он никогда не пытался анализировать или разоблачать. Можно сказать, что рационально он поступает только в необыкновенных случаях своей жизни, когда у него нет рутинного правила, которое закачивает до дремоты его ум и его сердце. <…> В промышленных губерниях он как будто пробуждается к жизни. Он впервые покидает это пассивное существование, в котором человек живет, как живется, без страстных стремлений, без борьбы с жизнью, богатеет, если богатство легло случайно на его пути, беднеет точно так же. Он впервые выходит из той жалкой сферы, в которой каждый думает о своих потребностях только тогда, когда они явились, и удовлетворяет их первым попавшимся способом»[15].

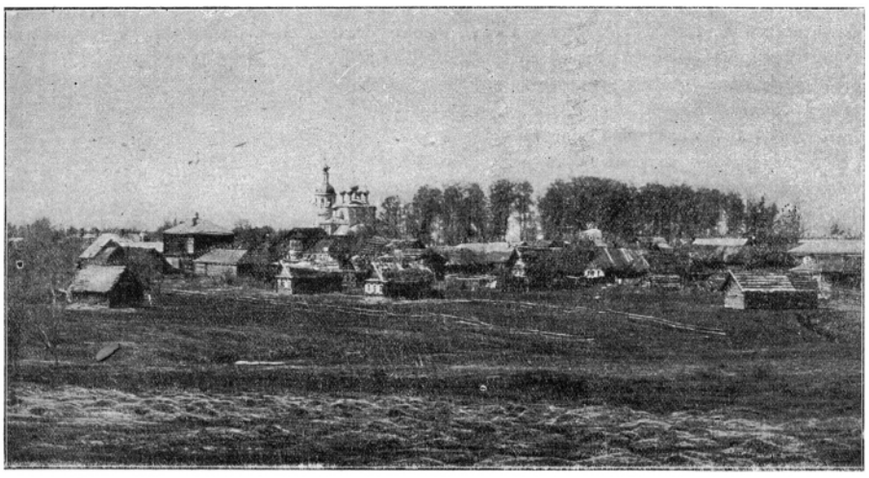
Между тем городское сословие в сравнении с крестьянством находилось в привилегированном положении: имело право на частную собственность, было защищено законом, имело сословный суд, самоуправление, индивидуально вело свое хозяйство, купечество даже освобождалось от круговой ответственности. И тем не менее обладало общим с крестьянством менталитетом. Причин этой парадоксальной, на первый взгляд, ситуации несколько. Мещане, ремесленники и крестьяне-горожане не являлись предпринимателями в истинном смысле этого слова. Как и для крестьян-земледельцев, целью их хозяйства являлось получение только пропитания, а общей жизненной целью — не богатство и власть, а спасение души. Буржуазная трудовая мораль была им чужда. По наблюдениям Флеровского, «солидный первостепенный работник всегда возбуждает зависть или даже ненависть; про работника же тщеславного и мота, готового легкомысленно пропустить честно и с трудом заработанные деньги сквозь пальцы, лишь бы пустить пыль в глаза, люди отзываются очень хорошо: "Это добрая душа и золотые руки — через него еще ни один человек не сделался несчастным. Много он заработает в месяц или в два, закутит, всех угостит, все раздаст, ничего себе не оставит"»[16].

В пореформенное время духовное единство крестьян и городских низов сохранилось также благодаря росту миграции в город крестьян, которые со своими традиционными моделями поведения и мышления оказывали мощное влияние на культуру и менталитет горожан, прежде всего рабочего класса. В этом смысле крестьянская миграция тормозила формирование буржуазного менталитета среди широких масс городского населения. Нужно отдать должное проницательности большевиков, провозгласивших и попытавшихся на деле реализовать союз рабочих и крестьян, понимая, что те и другие имели в принципе единый менталитет и поэтому были в равной степени подвержены влиянию социалистических идей.

Урбанизация по-советски: сразу и все

После революции 1917 года урбанизация продолжилась и вела примерно к тем же результатам: дальнейшей интеграции города и деревни, сглаживанию между ними различий в социальном, экономическом и культурном отношениях. Но вследствие высоких темпов урбанизации указанные процессы происходили намного интенсивнее. Если за 1901—1915 годы образовалось только 7 новых городов — по полгорода в год, то за 1917—1991 годы — по 6—7 в год, а в 1992—2000 годах — по 3 города ежегодно[17]. Доля городского населения повысилась с 15 % в 1914 году до 33 % в 1940-м. В 1962 году в целом по СССР она превысила 50 %, а в Российской Федерации это произошло на три года раньше. В 1991 году доля городского населения достигла 66 % в СССР и 74 % в России. В постсоветское время процент горожан оставался практически неизменным (табл. 3). Главным мотором урбанизации в последние три столетия служила промышленность.

Современная Россия по уровню урбанизированности приблизилась к развитым странам мира, где он составляет от 73 % во Франции до 94 % — в Германии (в 1920 г. он равнялся там 47 и 63 % соответственно). Прирост доли городского населения за 1917—1990 годы на 57 % (с 17 до 74 %) — сдвиг колоссальный, и его последствия не могли не быть соответствующими. Города не успевали переваривать миллионы переселенцев и оказались в плену вчерашних крестьян. В 1990 году среди 60-летних граждан насчитывалось лишь 15—17 % коренных горожан, среди 40-летних — 40 % и только среди 22-летних и более молодых — свыше 50 %. В целом доля коренных горожан в населении страны составляла всего около трети (37 %). Следовательно, к моменту распада СССР большинство его граждан (63 %) являлись еще по происхождению крестьянами и лишь по месту жительства — горожанами[18].



Видъ села Измайловъ въ настоящее время.
(Съ фотографіи).

Тем не менее к началу 1990-х годов в общих чертах урбанизация свершилась: около 60 % городского населения и 40 % всего населения страны проживали в больших городах с населением более 100 тыс. человек. Однако ее последствия во всей силе проявиться еще не успели. О многих городах лишь с натяжкой можно сказать, что они стали центрами высокой городской культуры в материальном и духовном смысле. Большие города обросли унылыми и убогими полу-городскими-полусельскими окраинами и пригородами, которые в самой малой степени отвечали высоким городским стандартам. Комфорт квартир, качество, разнообразие и накал общественной и культурной жизни многих городов оставляют желать лучшего, хотя, конечно, существенно отличаются от того, что происходит в деревне. Более того, по-прежнему существует дефицит городов, в особенности больших, являющихся локомотивами отраслевого и регионального развития.

Тем не менее то, что уже произошло (модернизация, создание сильного среднего класса, реформы 1990-х годов и огромный рост отклоняющегося поведения), обещает грандиозные последствия после того, как люди полностью освоят все возможности, полученные ими в результате переселения из деревни в большой город, став истинными горожанами. Вспомним крылатую фразу тысячелетней давности: городской воздух делает человека свободным. И действительно, город освобождает человека от пут традиций и обычаев, опеки семьи и общины, мнения соседей и родственников, превращает в индивидуалиста, делает грамотным, рациональным и активным. Но свободный, инициативный и образованный человек способен на все — на низкое и высокое, на мелкое и великое, на глубокие падения и грандиозные свершения. Все это нас и ожидает, когда последствия урбанизации проявятся в полной мере и у нас будет построено общество свободных предпринимателей. Думаю, красноречиво свидетельствуют об этом события конца 2011 — начала 2012 года.

Итоги

Итак, в течение четырех столетий, XVII—XX веков, российский город претерпел разительные перемены. До XVIII века он сливался с деревней в единое социальное, экономическое и культурное пространство. Это не означало, что города ничем не отличались от деревень — и по размерам, и по общественным функциям, и по занятиям жителей, и по социальной структуре различия существовали, но не были принципиальными.

Под влиянием петровских реформ началась модернизация российского общества. Она затронула все стороны жизни, но более всего — именно городскую материальную культуру, а также государственные институты и учреждения. Реформы подтолкнули естественный процесс дифференциации города и деревни, который пошел быстрее. Тем не менее потребовалось еще полстолетия, прежде чем в 1775—1785 годах произошло окончательное размежевание города и деревни в административном отношении, и еще полстолетия — для разделения экономического. Только к середине XIX века дифференциация между городом и деревней достигла своего апогея.

Но благодаря Великим реформам 1860-х годов параллельно расширились и контакты между городом и деревней, которые с ростом экономической специализации стали более зависимыми друг от друга. В то же время ушедшая вперед городская материальная и отчасти духовная культура стала служить для сельского населения образцом для подражания. Таким образом были созданы предпосылки для постепенного объединения города и деревни в единое экономическое и культурное пространство, основанное теперь не на сходстве, как это было до XVIII века, а на интеграции экономически специализированных и взаимно нуждающихся друг в друге городских и сельских жителей. В советское время этот процесс продолжился, но не завершился.

Таким образом, деревня не была противоположностью городу, просто она отставала от него в развитии, порой, правда, очень сильно — на два-три и более поколений. Город же, будучи лидером, все равно зависел от деревни и был вынужден оглядываться на нее в поисках людских и материальных ресурсов. Долгое время город нещадно эксплуатировал, истощал и наконец опустошил деревню. В результате сегодня деревня вряд ли способна воскреснуть без помощи горожан, но от ее возрождения во многом зависит прогресс всего общества, в том числе городского. Пора возвращать долги, и кажется, начало этому положено. Наметилось движение горожан в сельскую местность не только в качестве дачников, огородников, садоводов и просто любителей природы, а как фермеров, предпринимателей, деловых людей, желающих изменить деревню. Власти на всех уровнях должны активно поддержать этот процесс, ведь без процветающей деревни не расцветет и город и, наоборот, без цветущего города не зацветет и деревня.

* * *

[1] Статистические таблицы Российской империи / А. Бушен (ред.). СПб, 1863. Вып. 2. С. 90—91. Аналогами имперских городских поселений в советское время стали поселки городского типа, учрежденные в ходе административно-территориальной реформы 1923—1929 гг. В 1926 г. их насчитывалось 1216, в 1956 г. — 2422, в 1987 г. — 3992. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 376; Город и деревня в Европейской России: 100 лет перемен / Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш (ред.). М., 2001. С. 125.

[2] Подсчитано по: Гольц Г. А. Динамические закономерности развития системы городских и сельских поселений // Лаппо Г. М. и др. (ред.). Урбанизация мира. М., 1974. С. 58—61; КольбГ. Ф. Руководство к сравнительной статистике. СПб., 1862. Т. 1. С. 1, 4, 51, 60, 104, 110, 134, 139; Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 376.

[3] Муравьев А. В., Самаркин В. В. Историческая география эпохи феодализма: (Западная Европа и Россия в V—XVII вв.). М., 1973. С. 26—27.

[4] Население России 2008: Шестнадцатый ежегодный демографический доклад / А. Г. Вишневский (ред.). М., 2010. С. 29—30; Народное хозяйство СССР за 70 лет. С. 376.

[5] Город и деревня в Европейской России. С. 226.

[6] Там же. С. 241.

[7] Там же. С. 225.

[8] Там же. С. 242.

[9] В 1897 г. в Гатчине, Кронштадте, Павловске, Петергофе, Царском Селе, Ямбурге (С.-Петербургская губ.) и Пятигорске (Терская губ.) благодаря большой доле военнослужащих сфера услуг была также ведущим сектором, но отнести эти города к постиндустриальным весьма проблематично.

[10] Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII — начале XX века // ИССР. 1984. № 4. С. 41—59.

[11] Харитонов В. М. Урбанизация в США. М., 1983. С. 8.

[12] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1. Европейская Россия. Пг., 1916. С. 624—625.

[13] Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858. С. 206; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: В 2 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 62—64, 82—83.

[14] Подсчитано мною по данным: Семенов-Тян-Шанский В. Город и деревня в Европейской России: Очерк по экономической географии. СПб., 1910. С. 76—77, 79—187.

[15] Флеровский Н. Положение рабочего класса в России. М., 1938. С. 413 (1-е изд. — 1869 г.). С. 413.

[16] Там же. С. 414—415.

[17] Город и деревня. С. 128.

[18] Вишневский А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 92.

СЛЕДУЮЩИЙ МАТЕРИАЛ

Спонтанная архитектура до и после постмодерна

Ссора Мы теряем наши города. Трудно сказать, есть ли вообще во вновь спроектированном и построенном такое, что мы признали

© Горький Медиа. Сетевое издание «Горький» зарегистрировано в Роскомнадзоре 30 июня 2017 г. Свидетельство о регистрации Эл № ФС77—70221 Юридическая информация